

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА В ЛЕКSIКЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ ЛИ БО

В современном научном мире заметно вырос интерес к китайскому языку, культуре и ментальности. Одной из сложных составляющих исследования китайской модели мира является классическая китайская поэзия. В статье рассматривается концептуализация мира Ли Бо. Эстетический аспект при анализе семантики художественного текста поэта позволяет открыть доминирующие признаки бытия, определяющие смысловое пространство поэтической концепции автора.

Функционирование эстетической семантики в художественном мире Ли Бо анализируется через ключевую лексику. Анализ поэтических произведений проведён в семантическом аспекте с применением метода исчисления смысловых долей. Приведенные сочетания иероглифов, входящих к эстетике восприятия внешней красоты, показывают своеобразие лирики поэта, открывают новые смысловые отношения, обозначая генезис характерных для поэзии Ли Бо ключевых эстетических слов – «зелёные горы», «хрустальная речка», «плывущее облако». В результате исследования определена доминирующая ценностная установка мироощущения лирического героя – радости бытия. Выявленная семантическая наполняемость эстетической семантики представлена как основная. Рассмотрение различных вариантов лексического фона эстетической семантики позволило определить её структуру, состоящую из ключевых слов.

Исследование лирики Ли Бо позволило выявить следующие черты эстетической семантики его поэзии: неподвижность – действенность; отрешённость от мира для постижения истины; представление бытия как предельной полноты жизни.

Ключевые слова: эстетическая семантика, Ли Бо, поэзия, перевод, лексема, зелёные горы, хрустальная речка, плывущее облако.

Целью нашего исследования является эстетическая семантика Ли Бо на материале его поэтических текстов, наиболее отражающих специфику мировоззрения поэта.

Истоки китайской поэзии обнаруживаются в обряде, ритуале, народных магических практиках. И.С. Смирнов в работе «О некоторых особенностях становления и эволюции лирической традиции в Китае» указывает на ряд исследований, посвящённых изучению генезиса китайской поэзии. Так, японский учёный Х. Накамура полагает, что структура китайского языка и иероглифики повлияли на тип мышления китайцев таким образом, что они «склонны замечать лишь то, что доступно конкретному опыту, что схватывается только через непосредственно получаемое чувственное восприятие» [7, с. 354]. В.В. Малявин связывает «лирическую конкретность» китайской культуры с образами природы, «энергетическими конфигурациями», которые были угаданы мудрецами в природных явлениях и воплотились в письменных знаках [9, с. 191]. Однако, сам иероглиф 诗 (言 + 土 + 寸), по одной из трактовок, изображает растущий из сердца побег, обретающий выход в слове.

В Китае Ли Бо принято называть «бессмертным среди поэтов». Он первый, кто не только почувствовал необходимость наступления но-

вого времени, но и выразил своё представление о нём, обращаясь к древности – эпохе древнего Чжоуского царства (XII–XIII вв. до н. э.). Временем Ли Бо была доблестная, романтическая эпоха Тан (VII–X вв.), «взлелеявшая изысканную культуру» [4, с. 252], три века которой принято считать «золотым веком» китайской поэзии. Список поэтов династии Тан насчитывает около трёх тысяч имён. С.П. Фицджеральд, рассматривая художественные направления этого периода, особенно выделяет поэзию – как отголосок великой эпохи: «...из литературных жанров именно поэзия, казалось, наиболее соответствовала духу времени» [15, с. 253].

Синтез интеллектуальных разысканий и общительности с миром священного стал основой китайской эстетики: «...именно эстетика, отражённая в поэзии, живописи и даже в особой стилистике жизни интеллектуалов, стала формой воплощения каких-то очень древних форм установления контакта с небесными силами» [10, с. 174]. В поэзии Ли Бо этот контакт устанавливается, даже не столько ради общения с духами предков, сколько ради поиска понимающей его души. Устремление к небу у Ли Бо, чаще всего – желание уйти от несовершенства земного мира, так же, как и устремление к природе вообще.

При обращении к творчеству поэта, анализу его стихотворений важно понять отношение самого поэта к поэзии, тогда интерпретация тех или иных граней его творчества может считаться приближенной к истине. Отношение поэта к поэзии – это созданный им идеал, к которому он вынужден стремиться, это во многом, загадка его творчества.

В цикле стихотворений «Древнее» Ли Бо говорит, что истинная поэзия должна быть «великой» и «высокой», и что такой поэзии уже давно нет, она исчезла с наступлением Чуньцю-Чжаньго (эпохи войн), которые с начала XIII века по конец III века до н. э. вели между собой различные царства, составлявшие тогда Китай. По словам поэта, это было время, когда «драконы и тигры» (правители) пожирали друг друга. Описывая последующую историю своей страны, Ли Бо доходит до своей эпохи и называет её «возвращением к древности», к той идеальной поре, когда «государь правит в длинной, свешивающейся одежде, не прибегая к действию», когда «чтут всё чистое и истинное», «talанты развиваются в покое и свете», когда «светил на земле столько же, сколько звёзд на небе».

Поэт стремится к покою, к той безмятежности, которая всегда сопутствовала атмосфере Китая, и благодаря которой Пушкин назвал Китай «недвижным». Вся поэзия Ли Бо проникнута этим чувством торжественного величия – созерцания окружающего мира.

В стихотворении «巴女词» («О девушке из царства Ба») практически нет движения, несмотря на то, что поэт использует лексику, передающую порыв и устремление: «急» (быстро), «箭» (стрела), «飞» (лететь), «归» (возвращаться). Однако это устремление не выходит за пределы человеческой души, оно всегда только внутренний порыв, несмотря на то, что автор описывает физические реальные действия. Это больше движения души, чем внешние обстоятельства:

巴水急如箭巴船去若飞。十月三千里，郎行几岁归？

Воды реки ускользают,
Стрелами рвутся потоки.
Лодка умчалась с любимой,
Ветру подобна летела.
Долог ли путь твой, ответь мне?
Скоро ли ты возвратишься?

А.Г. Сторожук, рассматривая буддийские концепты в художественной литературе эпохи Тан, выделяет «действенность» как «меру таланта». Он пишет об «аффективности осознания» (аффективность – в классическом понимании, аффекты и разные степени чувств удовольствия и неудовлетворения, чувственный или чувственно-иннервационный аспект осознания) как аналоге «действенности» или «проявленности». «Проявленность» поэтического мира – это способность существовать по установленным писателем правилам, «неподчинение законам окружающей реальности, но лишь следование «опорным точкам», заданным поэтом <...> чем больше и ярче талант автора, чем меньше он привязан к «стеснениям и запретам», тем устойчивее созданный им мир, тем больше его «действенность» [12, с. 191].

Настоящий поэт – это всегда пророк в своём Отечестве, он чувствует себя избранным и призванным небом, считает своим долгом вести людей за собой. Ли Бо верил, что именно он должен возродить истинную поэзию. Свидетельство об истине требует от человека большой свободы и независимости, его самостояния – стояния на истине. Ли Бо не стал придворным поэтом, его изгнали из дворца. По мнению Н.И. Конрада дух независимости составлял отличительную черту его личности.

Друзья называли Ли Бо «изгнанным сянь», так он и сам часто называл себя. Сянь – образ, взятый из даосизма. Жизнь Ли Бо, его внутренние стремления, как и стремления многих учёных-поэтов танского периода, основывалась на противоречиях между конфуцианским долгом и даосским идеалом отрешения от мира. Сянь – это человек, удалившийся вглубь гор для постижения истины:

危楼高百尺，手可摘星辰。不敢高声语，恐惊天上人。

Храм этот горный чудесно высокий, / Звёзды могу собирать я с небес. / Тихо беседу веду здесь с друзьями, / Неба молитву не смея нарушить.

Или рифмованный перевод:

Ночую в храме древнем на горе,
Он так высок, что звёзды очень близко.
Могу рукой собрать их на заре,
Пока они сияют так искристо.

Слова земные слишком здесь резки,
Для тишины звучание их громко.
Здесь жители небесные близки,
Те, что казались самыми далёкими.

Но в жизни Ли Бо были не только одни стремления души, его слово всегда сосуществовало с делом. В возрасте 19–20 лет он примкнул к жэньсэ («героям»), народным рыцарям, взявшим на себя защиту слабых и обиженных и расправу с обидчиками. «Герои» раздавали неимущим всё, что добывали, им был свойственен мужественный дух, безудержно широкая натура. Ли Бо воевал, и по свидетельствам биографов, в эти годы растратил и роздал почти всё своё состояние.

В книге «Китай: колокольца в пыли. Странствия мага и интеллектуала» А.А. Маслов говорит: «Китайские мистические философы никогда не увлекались анализом «внешнего» мира как безотносительной и объективной величины. Для них значительно важнее была соотнесённость человека и его внутренней природы с внешним миром, возможность осознать метафизическую целостность внешнего и внутреннего» [10, с. 26]. Действительной ценностью для Ли Бо было сяояо – «обладать великой духовной свободой», не позволяя жизни с её бесконечными заботами и повседневными делами

сковывать дух, что отразилось в его стихотворении «静夜思» («Думы в тихую ночь»):

床前明月光，疑是地上霜。举头望明月，
低头思故乡。

Ярко постель освещает луна,
Студит ли осень прохладой своей?
Чашечки лунные мирно плывут,
Взгляд опушу – снится Родина мне.

Человек должен стремиться к созерцанию красоты окружающего мира, находиться в мире, но, одновременно, быть и над миром. Мироощущение гения в китайской культурной традиции родственно тому, что выразил А.С. Пушкин в одном из своих произведений: «Служенье муз не терпит суеты, прекрасное должно быть величаво».

Обратимся к стихотворению «送友人» («Прощаюсь с другом») Известно, что в средневековом китайском языке категории лица, числа и времени обычно были не выражены, о них только предположительно судили по контексту. Эти особенности китайской грамматики давали широкий простор для интерпретации стиха, что всегда рассматривалось как неоспоримое достоинство. Заповедь теоретиков китайской поэзии гласила, что «смысл не исчерпывается написанным». Рассмотрим несколько переводов стихотворения для углубления в семантику текста:

«Прощание с другом» Перевод С. Торопцева	«Проводы друга» Перевод А. Гитовича
<p>На севере – зеленых гор стена, К востоку – рек излучены видны. Здесь нам с тобой разлука суждена, Травинки ураганом сметены. Летучей тучкой растворится друг, Заката грусть разлив в душе моей, И на прощанье – лишь отмашка рук Да жалобное ржание коней.</p>	<p>Там, где Синие горы За северной стали стеной, Воды Белой реки Огибают наш город с востока. На речном берегу Предстоит нам расстаться с тобой, Одинокий твой парус Умчится далеко-далеко. Словно легкое облачко, Ветер тебя понесет. Для меня ты – как солнце. Ужели же время заката? Я рукою машу тебе – Вот уже лодка плывет, Конь мой жалобно ржет – Помнит: ездил на нем ты когда-то.</p>

Соотнесенность переводов, показывает их очевидную разность. В стихотворении помимо конкретных китайских реалий, очевидно, присутствуют общечеловеческие чувства и их выражение:

Обратимся к оригиналу поэтического текста для наиболее эффективного проникновения в смысл произведения:

青山橫北郭，白水繞東城。此地一為別，孤蓬萬里征。浮雲游子意，落日故人情。揮手自茲去，蕭蕭班馬鳴。

В первой строке: «青山» – «зелёные горы», горы, покрытые кустарниками или деревьями, можно считать постоянным эпитетом в китайской поэзии; «北郭» – северная городская стена. Присутствие аллитерации «горы – город» и ассонанса с повторяющимся звуком «о» создаёт дополнительную атмосферу строгости. Стоит заметить, что весь поэтический текст выдержан в 6-ти стопном амфибрахии и не имеет рифмы. Такая манера изложения придаёт стихотворению торжественно-сомнамбулический характер, характерный для китайской созерцательной, хотя и очень конкретной поэзии (по выражению А.А. Маслова).

«Хрустальная речка» – «白水», дословно др. «белая вода». Сейчас «чистая река», «светлая река». Эпитет «хрустальная речка» семантически ближе к русской ментальности.

Третья строчка дословно звучит как «В этом месте однажды прощаемся». Для русской ментальности более характерно выражение «прощаться навсегда». Китайское «однажды» может быть воспринято как русское «раз и навсегда». Отсюда «И если мы только прощаемся здесь навсегда, мой хороший...». «Мой хороший» – не встречается в оригинальном тексте, однако настроение, сама атмосфера стихотворения и отношение лирического героя к своему другу предполагают употребление этого выражения.

Образ «одиноким конизы» взят из лексемы «蓬». Дословно эта строчка звучит так: 孤蓬萬里征 («Одиноким кониза скитается 10000 Ли»). «征» – «мыкаться», «скитаться». Кониза – *Canadium Heabane* (Horseweed) – мелколепестник, мелколепестничек. Кониза является символом скитания в китайской литературе, потому что её цветы («пушистые» семена) летят долгое время и улетают на далёкое расстояние, как человек, покидающий свой дом.

Лексема «浮雲» («плывущее облако») подчёркивает одиночество лирического героя. Облако – символ странничества и одиночества, что созвучно и русской литературной традиции: «Тучки небесные, вечные странники...» (М.Ю. Лермонтов).

Лексема «班馬» («конь, который отбил от стада») также передаёт одиночество. Закат – символ старости, конца времени чего-либо.

Зелёные горы на севере города стену обняли,
Восточные улицы речка хрустальная нежно обвила.

И если мы только прощаемся здесь навсегда,
мой хороший,

Лететь одинокой конизой тебе и по свету скитаться.

Как облако белое в небе высоком не знает приюта,

Так странника путь бесконечный по горькой земле безутешен.

И солнцем закатным теряется время и друга уводит.

Тоскливо-тоскливо ржёт конь, что отбил от стада.

Ты машешь рукой, и всё дальше и растёт расстояние.

Таким образом, анализ эстетической семантики в поэтических текстах Ли Бо выявил следующие черты художественной концепции бытия поэта:

– недвижность – действенность: «Воды реки ускользают, / Стрелами рвутся потоки...» («О девушке из царства Ба»).

– уход от мира для постижения истины: «Храм этот горный чудесно высокий, / Звёзды могу собирать я с небес. / Тихо беседу веду здесь с друзьями, / Неба молитву не смея разрушить»;

– образ Луны как символ тоски по Родине и разлуки: «Ярко постель освещает луна, / Студит ли осень прохладой своей? / Чашечки лунные мирно плывут, / Взгляд опущу – снится Родина мне».

– использование триады лексем: «蓬» («одиноким кониза»), «浮雲» («плывущее облако») и «班馬» («конь, который отбил от стада») для усиления изображения чувства одиночества лирического героя.

Исследование эстетической семантики поэтических текстов Ли Бо позволяет понять особенности смыслового содержания его поэзии.

4.06.2016

Список литературы:

1. Алексеев, В.М. Китайская литература. Избранные труды / В.М. Алексеев. – М.: Наука, 1978 – 615 с.
2. Алексеев, В.М. Китайская народная картина / В.М. Алексеев. – М.: Наука, 1966 – 812 с.
3. Архив российской китаистики. В 2 т. – Т. 2.– М.: Ин-т востоковедения РАН. – 2013. – 519 с.
4. История Китая с древнейших времён до начала XXI века. В 10 т. – Т. 3. Троецарствие, Цзинь, Южные и Северные династии, Суй, Тан (220–907). – М.: Наука, 2014 – 991 с.
5. Конрад, Н.И. Запад и Восток: статьи / Н.И. Конрад. – М.: Наука, 1972 – 496 с.
6. Ли Бо Нефритовые скалы / Ли Бо. – СПб.: Кристалл, 1999 – 237 с.
7. Лирика: генезис и эволюция. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. – 417 с.
8. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство – СПб, 2001. – 848 с.
9. Малявин В.В. Китайская цивилизация / В.В. Малявин. – М.: АСТ, 2000. – 632 с.
10. Маслов А.А. Китай: колокольца в пыли. Странствия мага и интеллектуала / А.А. Маслов. – М.: Алетейа, 2005 – 376 с.
11. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. – М.: Сов. энциклопедия, 1991. – Т. 1. А-К. – 671 с.
12. Сторожук А.Г. Три учения и культура Китая: конфуцианство, буддизм и даосизм в художественном творчестве эпохи Тан / А.Г. Сторожук. – СПб.: Береста, 2010 – 335 с.
13. Тань Аошуан Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность / Тань Аошуан. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 231 с.
14. Тщательно отредактированный русско-китайский и китайско-русский словарь. – Пекин: Издательство преподавания и исследования иностранных языков, 2011. – 1036 с.
15. Фицджеральд, С.П. Китай. Краткая история культуры / С.П. Фицджеральд. – СПб.: Евразия, 1998 – 899 с.
16. Элиаде, М. Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость / М. Элиаде. – СПб.: АЛЕТЕЙА, 1998 – 249 с.

Сведение об авторах:

Пороль Ольга Анатольевна, доцент кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета, кандидат педагогических наук
460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 1106, тел. (3532) 372436, e-mail: rusfil@mail.osu.ru

Пороль Полина Вадимовна, магистрант направления «Филология», программы «Речевая коммуникация в сфере деловых отношений (китайский язык)» Оренбургского государственного университета
460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 1106, тел. (3532) 372436, e-mail: rusfil@mail.osu.ru